

Антропонимия города Вологды и Вологодского уезда XVI–XVII вв. как источник изучения локальной языковой картины мира

Сегодня широкое развитие получает антропологическая лингвистика, имеющая своей целью «изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [Вендина: 1998, 5]. В русле антропологической лингвистики особое внимание уделяется изучению ценностных параметров локальных языковых картин мира, которые выражаются средствами разных уровней языка. Антропонимия как составная часть лексической системы языка наиболее органично связана с культурой этноса и обусловлена особенностями национального характера.

Как известно, закономерности общественного устройства прежде всего отражаются на принятой в официальных документах модели именования лица. Личные наименования людей в различных документах официально-делового характера содержат в себе информацию, связанную не только с особенностями социально-экономического развития отдельных регионов России в рассматриваемый период времени, но и с уровнем духовного развития общества.

Анализ системы личных имён с позиций одного из актуальных направлений в исторической антропонимике, признающего специфику лексического значения имён собственных по сравнению с апеллятивами, позволяет установить национально-культурный компонент значения имени собственного, соединяющий знак и концепты, стереотипы, эталоны, символы, на основе которых и происходит формирование языковой картины мира (см. работы М. Косничану, В.И. Супруна, Е.А. Тарнопольской и др.)

Изучение личных наименований в памятниках вологодской официально-деловой письменности конца XVI – XVII вв. позволило выявить две наиболее важные оппозиции в локаль-

ной антропосистеме рассматриваемого периода. Первая оппозиция заключается в противопоставлении официальных моделей именования представителей высших и низших социальных слоев населения. Как следствие социальной неоднородности антропонимических единиц возникает вторая оппозиция, заключающаяся в противопоставлении антропонимии города и села.

В XVI–начале XVII вв. Вологодский край – один из наиболее развитых в экономическом отношении районов и играет значительную роль в жизни страны. Сухоно-Двинской водный путь является важнейшей торговой артерией страны, проходит он из Архангельска в Москву через Устюг, Тотьму и Вологду. Вологда служит перевалочным пунктом всех грузопотоков, местопребыванием многих европейских и русских торговых фирм. Кроме того, реки Вологда и Тошня являлись путями для «внутреннего», земледельческого освоения региона.

Численность населения г. Вологды по переписи 1678 г. равнялась 4102 чел. [Водарский: 1970, 257]. Население города в XVII веке делилось на служилых и посадских тяглых людей.

Вологодский уезд является самым северным из районов России, где преобладало поместьи-вотчинное землевладение. Далее к северу располагались уезды, населённые в основном государственными крестьянами, тогда как фактически все чёрные волости Вологодского уезда (кроме него ещё Устюжно-Железопольского и Белозерского) к 30-м годам XVII века были поглощены помещичьими и монастырскими владениями [Данилова: 1984, 162].

Основную массу населения Вологодского уезда составляли крестьяне и бобыли. Собственно крестьяне обрабатывали полные наделы и платили с них полные оклады поземельного тягла. Бобыли – «маломочные крестьяне» - либо обрабатывали земельные участки меньшего размера, либо жили только сельскими промыслами и ремесленным трудом. Бобылей в Вологодском уезде, по подсчётам Я. Е. Водарского, оказалось втрое меньше (всего 11 %), чем наблюдалось в среднем по стране [Водарский: 1968, 426].

В вотчине Спасо – Прилуцкого монастыря в XVII веке было также две категории тяглого населения – крестьяне и пашенные бобыли. Кроме них монастырскую пашню обрабатывали *монастырские детёныши* – монастырские работники, нанятые под поручительство и получавшие обычно годовичную заработную плату. Зависимость детёныша от монастыря прекращалась по выполнении срочного обязательства, если детёныш уходил из монастыря до срока, то тогда он или его поручитель должны были выплатить монастырю известную сумму денег [Греков: 1954, 154].

Рассмотрим особенности функционирования личных имён (календарных и некалендарных) и фамильных прозваний в моделях именования лиц различных социальных слоёв населения, учитывая территорию проживания (город – село).

В первой половине XVII в. на территории сельской местности Вологодского уезда репертуар как внутрисемейных, так и прозвищных некалендарных личных имён был значительно разнообразнее, нежели в городе, что объясняется более длительной сохранностью в сельской местности традиционных принципов именования. Город Вологда, будучи в XVII в. крупным торгово-промышленным центром на Европейском Севере России, оказался подвержен влиянию центральных регионов государства, где быстрее шел процесс утраты некалендарных имён. Вероятно, на более быстрое исчезновение прозвищных некалендарных личных имён из официального именования лица в городе повлияла и деятельность многочисленных церквей.

Количественные характеристики состава *внутрисемейных* некалендарных личных имён имеют существенные различия по отдельным социальным группам населения. Более всего внутрисемейных имён отмечено в официальном именованиях представителей низших сословий – крестьян и мелкого сословия горожан: «молодчие» посадские люди – *Пятунка Мурзин* (ДКВ, 1616-1617, 341); *Суботка* Игнатъев (ДКВ, 1616-1617, 339); городская беднота – *Меншичко* Оникеев, «ходить по миру» (ПКВ, 1629, 109); *Замятка* Устинов с., нищей (КПВ, 1678, 229); ратные люди «государевой приборной службы» –

стрѣлец *Шестунка* Васильев (ПКВ, 1629, 100); пушкаръ *Поспѣлко* Оконищков, (ПКВ, 1629, 99); воротникъ *Пятунка* Ондреевъ (ПКВ, 1629, 98) и т.п.

Значительно реже внутрисемейные некалендарные личные имена встречаются в именовании людей высшего служилого сословия – сыны боярские - *Любим* Тефеняков (ПКВ, 1629, 55), *Третьяк* Козлов (ПКВ, 1629, 147); помещики – *Сухань* Филипьевъ с. Хлопин (Купч., 1596, ОСВ, вып. 6, 9); *Шестунка* Григорьевъ (Челоб., 1626, С–I, № 20, 295).

Ряд лексем, лежащих в основе *прозвищных* имён с характеристикой свойств личности и поведения человека, имеют внесоциальный характер. Однако некоторые прозвищные имена встретились только в одном из сословий либо преобладают в одном из сословий, что позволяет сделать определённые выводы о наиболее актуальных для каждого сословия духовных ценностях, отражённых в изучаемом отрезке языковой картины мира.

Только в именовании лиц служилого сословия отмечены прозвищные имена, образованные от имён существительных со значениями 'трусость' - Иоаким Иванов с. *Трусов* (Дан., 1558, САСК(К), № 171), ср. в гов. *трус* 'робкий, боязливый человек' [ВФ, 103]; 'ложь, хвастовство' - Иев Демидович *Голохвастов*, думный дворянин (КПВу, III, 1678, 66), ср. *голохваст* 'бахвал, хвастун, пускающий пыль в глаза' [Ганж., 132]; 'грубость, нахальство' - Ѳедка Кузминъ с. *Басалай* (КПВ, 1678, 282 об.), ср. *басалай* 'грубиян, нахал', волог. [Ф, I, 130]. Подобные черты характера и свойства личности не соответствуют облику достойного дворянина, порицаются дворянским «кодексом чести».

Прозвищные имена, восходящие к апеллиативам со значениями 'трудолюбие' и 'уклонение от работы'; 'ловкость, сноровка' и 'медлительность', хотя и не являются исключительной принадлежностью сословия посадских людей, но обладают значительной активностью в именовании жителей посада: Осипко Ивановъ с. *Крутко* (ПКВ, 1629, 52), прозв. *Крутко*; ср. в гов. *крутой* 'скорый, проворный, быстрый' волог., ярс., пск., смл. [ВФ, 54]; Ондрушка Семеновъ с. *Копоти-*

ловь, каменщикъ (ПКВ, 1629, 136), ср. *копотиться* 'пытаться, стараться' Верх. Булыч. [СВГ, И-К, 101]; Тренка *Валов* (ДКВ, 1616-1617, 366), ср. в гов. *вал* 'лентяй, лежебока' костр., новг., волог. [ВФ, 20]. Можно предположить, что репертуар прозвищных имён в среде мастеровых, ремесленников, торговцев и прочего рабочего населения старорусского города отражает одну важную особенность ценностной картины мира горожанина XVII века: актуальными являются те качества человека, которые измеряют степень его предприимчивости, желание и умение трудиться и организовать своё дело.

Те немногие прозвищные имена крестьян, которые попали на страницы писцовых документов, ещё более акцентируют внимание на зависимом положении именуемых. Наиболее полный состав имеют лексические множества 'пьянство'; 'озорство, задиристость'; 'упрямство'; 'гневливость'; 'суетливость' - *Заноза* Дмитриев (КПВу, 1589, 42), ср. *заноза* 'задира' [Д, I, 609]; *Брага* Неверов (КПВу, 1589, 9), ср. *Брага* 'гуляка, пьяница' [Селищ., 110]. Вероятно, безразличие к результатам своего труда, порождённое отсутствием чувства собственности, делало человека ленивым, пристрастным к выпивке. Однако в народной среде отношение ко всем этим свойствам человеческой натуры было отрицательным, о чём свидетельствует большое количество имён и прозвищ, содержащих пейоративную оценку обозначаемых ими свойств и качеств.

Для каждого сословия характерен свой репертуар отпрофессиональных имён, причем число данных имён в именованных сословиях горожан во много раз превышает их количество в других сословиях. Фамильные прозвища и прозвания посадских людей, как правило, содержат информацию о профессиях, имеющих место в период жизни самого именуемого: *бобыль* Жданко Ивановъ с. *подъемщикъ* (ПКВ, 1629, 157); *Тимошка* Михайловъ с. *Мельникъ* (КПВ, 1678, 103). Преобладают прозвища, указывающие на наиболее распространённые в изучаемый период времени промыслы и ремёсла.

Средствами жизни у посадских людей были ремесло и мелкая торговля. Уже к началу XVII века Вологда становится крупным рынком животного сырья (кож, сала, мяса). В этот

период активно развивалась торговля солью, рыбой, кузнечное дело, свечной промысел, судостроение. Город славился своими мастерами, кузнецами, плотниками, каменщиками, иконописцами. Профессии передавались из поколения в поколение, появлялись потомственные мастера, ремесленники. На страницах Писцовой книги Вологды 1629 года и Переписной книги 1678 года содержится множество указаний на род занятий посадских людей. Ср.: Д. тяглой *сапожника* Терешки Семенова сына Быструни, да *пирожника* Нестерка Гаврилова, да *масленика* Гришки Ерохова ... (ПКВ, 1629, 177); Д. тяглой *рыбниковъ* Якушки да Тренки Ѳедоровыхъ дѣтей Воробьевыхъ (ПКВ, 1629, 182); Д. вологодского *каменщика* Андрюшки Аверкиева сына Бабушкина (КПВ, 1678, 97 об.); Д. посацкого *кирпичника* Обросимка Ѳедорова сына (КПВ, 1678, 66).

В книгах нередко встречаются ремесленники и среди стрельцов: стрельцам позволялось «прирабатывать», торгуя мелкими изделиями собственного «рукомесла» [Смирнов: 1978, 38]. Ср.: Л. стрѣльца Постничка Вахрамѣева (ПКВ, 1629, 56); *Кузница* стрѣльца Баженка Елизарьева ... (ПКВ, 1629, 79). Упомянутого в дозорной книге *стрельца* Десятку Потапова (ДКВ, 1616-1617, 348) в писцовой книге находим в составе следующей записи: Д. *каменщика* Десятка Потапова (ПКВ, 1629, 116).

Появлялись фамильные прозвища и потомственные фамильные прозвания по названию тех профессий, которыми владели представители одной семьи. Ср.: Д. тяглой Меркушки да Ондрюшки Осиповыхъ дѣтей *Оконичниковъ* (ПКВ, 1629, 178); Л. ... п. ч. Овдѣйка Ѳедорова сына *Хомутинникова* (ПКВ, 1629, 33); Д. Стенки Давыдова сына *Красильника* (КПВ, 1678, 135); Д. п. ч. Никифорка Михайлова сына *Пушникова* (КПВ, 1678, 223).

Отпрофессиональные прозвища и прозвания лиц служилого сословия в основе своей содержат имена нарицательные, восходящие к названиям уже не существующих профессий или должностей, ср. *Ратман*, *Чашник*, *Кушник*: *Ратман* Гарбевъ губной староста (Челоб, 1628, С-І, № 10, 121), ср. др.-рус. *ратман* 'член магистрата или купеческого управле-

ния в зап. губерниях' [Супер., 280]; Мартынь *Кушьников*, помещик (Челоб., 1625, С-1, № 2, 9), ср. *кушня* 'шалаш лесорубов в лесу', арханг. [Ф, II, 439], фамилия от прозв. *кушник* 'содержатель кушни' [Поляк., 129]; Осипко Петровъ с. *Чашниковский* (ПКВ, 1629, 65), ср. *чашник* на Руси – 'придворный, виночерпий, у которого напитки в ведении и чарочки под рукою' [Д, IV, 502].

Фамильные прозвания служилых людей содержат также информацию о воинских чинах (*Сотник*, *Майор*) или имеют косвенное отношение к воинской службе (*Стрелок*, *Караул*). Ср.: Иванъ Ивановъ с. *Майоровъ* (КПВ, 1678, 8); Филиппо *Карауловъ*, приказчик (Челоб., 1663, ОСВ, вып. 8, 22) – прозв. *Караул*; ср. в гов. *караульный* 'сторож' череп., 'церковный сторож', костр. [ВФ, 42]; Дмитрий Фёдоровъ с. *Стрелковъ*, помещик (КПВу, VIII, 1678, 5об.). Ср. также личное имя *Сотник* Оладьин, помещик (Челоб., 1628, С-1, № 18, 270), ср. *сотник* 'начальник сотни'; армейские и казачьи полки делились на сотни, которыми командовали стрелецкие или казачьи сотники [Ганж., 449].

Репертуар прозвищных имён, восходящих к названиям животных, птиц, насекомых заметно различается в разных социальных слоях населения. Крестьянские прозвищные имена образованы в большинстве своём от названий животных, незаменимых в крестьянском хозяйстве (*Овца*, *Кобыла*, *Баран*, *Корова*, *Козёл*, *Конь*, *Бык*), домашних животных (*Собака*) и некоторых диких животных и птиц, являющихся объектом охотничьего промысла (*Соболь*, *Лисица*, *Кулик*). Вероятно, в крестьянском зоофорном именнике пережитки древнего тотемизма оказались более прочными.

Прозвищные имена служилых и посадских людей в большей мере ориентированы на создание яркой образности, т.е. указывают на какие-либо внутренние или внешние качества именуемого. В качестве апеллятивных основ данных имён выступают не только названия животных, но и птиц, насекомых. Ср.: Дмитрий Ивановъ с. *Сычов*, помещик (КПВу, VIII, 1678, 104), прозв. *Сыч* по названию птицы *сыч* могли дать сердитому, нелюдимому человеку или человеку с неприят-

ным, хриплым голосом; в арх. гов. *сычить* 'сипеть, хрипеть, сипло кричать' [Поляк., 217]; Жук Мартьяновъ, подъячий (Челоб., 1625, С-1, № 2, 22), Жданко Жукъ, бобыль (ПКВ, 1629, 104), ср. в гов. жук 'пронырливый, жуликоватый' ярс. [ВФ, 35]; в гов. жук 'смуглый, черноволосый человек'; 'ловкач' [Полякова, 83].

Наблюдение над составом оттопонимных антропонимов в именовании лиц разных сословий позволяет говорить об определённой специфике их употребления. Во-первых, следует отметить разнообразие репертуара оттопонимных имён в именовании каждого социального слоя населения, практически отсутствуют фамильные прозвания, повторяющиеся в нескольких сословиях. Во-вторых, оттопонимные антропонимы лиц разных сословий различаются и по своей функции.

Прозвища и фамильные прозвания представителей служилого сословия в большинстве своём уже являются наследственными родовыми именованьями, образованными от названий тех мест, которыми изначально владели предки именуемого: князь Иван князь Петровъ с. *Ухтомский* (КПВу, III, 1678, 205 об.), ср. река *Ухтома* [Ганж., 494]; князь Тимофей князь Афонасиевъ с. *Колотовский*, стольникъ (КПВ, 1678, 27) - выходец или владелец д. *Колотово* [ВФ, 48].

Прозвища и прозвания лиц других сословий служат указанием на прежнее место жительства или место рождения именуемого, непосредственно отражая миграционный процесс на территории Вологодского уезда XVII века.

Самая большая группа оттопонимных фамильных прозваний посадских людей представлена антропонимами, образованными от названий городов: Оедька Офонасьев с. *Тверитин* (ПКВ, 1629, 42); Ермолка Углеченин (ПКВ, 1629, 166); Авонка Григорьевъ с. *Устюжанинъ*, дворникъ (ПКВ, 1629, 97); Митка *Ярославец* (ДКВ, 1616-1617, 358); Омельяно *Москвитин* (ДКВ, 1616-1617, 353) и др.

Выделяется группа фамильных прозваний посадских людей, восходящих к названиям рек: Михалко *Водогин*, сторож (ПКВ, 1629, 184) - выходец с реки *Водога* [ВФ, 22]; Пятунка

Мологин, каменщик (ПКВ, 1629, 116) - выходец с реки *Мологи* [ВФ, 63] и др.

Отмечены также антропонимы, образованные по названию какой-либо местности или деревни: Офонка *Кокшарь* (ПКВ, 1629, 85), ср. *кокшар* 'житель Кокшеньги (местность по берегам реки Кокшеньги)' [СРНГ, XIV, 108]; Никифор Якимов с. *Чарондин*, стрелец (Каб., 1661, САСК(С), № 54, 111), ср. *Чаронда* – село Печенгского с/с Кирилловского р-на, расположенное на западном берегу оз. Воже [ГНВО, 382].

В моделях именования крестьян зафиксировано незначительное количество оттопонимных фамильных прозваний, возникших в основном от названий рек и деревень: Прибыток *Сурин* (КПВу, 1589, 12) - *Сура* – приток р. Пинеги, впадающей в Северную Двину [ВФ, 99]; Ивашко Елфимовъ с. *Писемской* (КПВу, I, 1678, 373) - *Письма* - приток реки Костромы [Ганж., 368]; Богдан Семенов с. *Рабански* (Челоб., 1629, ГАВО, ф.1260, оп. 11, № 10), ср. *рабангский* – выходец из Спасо-Рабангского монастыря, название монастыря по реке *Рабанге* (Верхняя Сухона) [ВФ, 84]; Неустройко Фёдоровъ *Корепанинь* (ПОВу, 1630, № 7, 28) - выходец из деревни *Корепино* [ГНВО, 175-176].

Календарные личные имена, отмеченные в вологодских документах, составляют большую часть мужского и женского именника первой половины XVII в. (их доля равна 79 %) и почти полностью вытесняют некалендарные личные имена к последней трети XVII в. (98 %). Антропонимический материал документов массовой переписи и некоторых видов частных деловых актов свидетельствует о том, что в рассматриваемый период отсутствует социальная дифференциация календарных личных имён. Состав наиболее употребительных имён разных сословий (служилых и приказных людей, посадских людей, священнослужителей и крестьян) имеет много общего. Для всех четырёх сословий установлены одни и те же наиболее популярные имена и имена со средней стабильной активностью: *Иван, Фёдор, Василий, Семён, Григорий, Петр, Алексей, Мария, Анна*).

Отсутствие социальных различий в выборе календарных личных имён людьми всех сословий XVI – XVII вв. характеризует менталитет русского народа в целом на данном этапе исторического развития. Это говорит о широком распространении ассоциативного фона календарных личных имён, обусловленного сменой мировоззрения: языческого на христианское.

Анализ именников отдельных социальных групп населения позволяет говорить о различиях, связанных с количественными показателями репертуара имён. Репертуар календарных личных имён XVII в., обслуживающий податную часть населения Вологодского уезда (посадское население и крестьяне) в целом уже репертуара имён, имеющегося у сословий землевладельцев и священнослужителей.

Разнообразие репертуара имён священнослужителей создаётся большим количеством редких имён. Чаще всего редкие имена встречаются у представителей монашества - ср.: дьякон *Аммон* [ПКВ, 1629, 24]; игумен *Питеримъ* [Челоб., 1626, САСК(К), № 5, 5]; архимандрит *Малахъ*, где, как известно, старались использовать имена, не употребляющиеся в миру.

На территории Вологодского уезда XVII в. наиболее высокие показатели КО* отмечены в среде посадского населения г. Вологды, а также в среде крестьян, проживающих в сельской местности. Высокий КО в городе объясняется большой концентрацией населения, в сельской местности наблюдается широкое распространение обычая одноименности. По свидетельству Е.Н. Баклановой, анализ переписных книг 1678 и 1717 г.г. по Вологодскому уезду показывает широкое распространение одноименности не только в семье, но и среди односельчан [Бакланова: 1971, 107-108], ср.: «Д. вдовы Ирины ... дочери Федки Софонова у нее дворникъ села Турунтаева

* Коэффициент одноименности (КО) представляет собой отношение репертуара имен к числу имяносителей. Имена с числом носителей, равным КО и превышающим его, являются частыми именами [Бондалетов: 1983, 115].

крестьянин *Ивашко Иванов* сын у него *Ивашко* трех лѣтъ» (КПВ, 1678, 3 об.).

Явление одноименности находит объяснение в ценностных ориентациях, характере и обычаях крестьянской общины в целом, которой, по словам С.Е. Никитиной, присуща в первую очередь такая черта, как «невыделенность личности из социума, обусловленная прежде всего традиционным образом жизни» [Никитина: 1993, 11].

Процесс образования русских фамилий носил разновременный характер как применительно к различным сословиям населения, так и к различным регионам России. Местоположение Вологодского уезда в социально-экономической зоне преобладающего поместно-вотчинного землевладения определило некоторые региональные особенности процесса формирования третьего компонента модели именованного лица в вологодских деловых документах.

По данным вологодских памятников деловой письменности именованного горожан, построенные по трёхкомпонентной модели, в первой половине XVII в. составляли 5,92 % от всех других отмеченных моделей именованного, во второй половине XVII в. их доля равнялась уже 39,58 % . Употребляются ещё фамильные прозвания, но активно идёт процесс становления профессионально-должностных фамилий, функционировавших в среде ремесленников и торговцев. Захарко Васильевъ с. *прядильщикъ* (ПКВ, 1629, 114) и Куземка Потаповъ с. *Прядильщиков* (ПКВ, 1629, 183); Патрекейка *квасник*, бобыль (ПКВ, 1629, 107) и Захарко Патрекѣевъ с. *Квасников* (КПВ, 1678, 287).

Известны целые династии крупных вологодских купцов XVII века: Алачугины, Верещагины, Гладышевы, Белавинские, Глазуновы, Желвунцовы, Сычуговы и др. Ср.: Пол.-л. п. ч. Лазарка *Алачугина* (ПКВ, 1629, 38); Двѣ лавки п. ч. Лазарка *Алачугина*, по лицу въ сапожной рядѣ 5 сажень съ третью (ПКВ, 1629, 35); Гаврилко Исаковъ с. *Алачугин*, кожевникъ (ПКВ, 1629, 178); Д. гостиной сотни Микифора Константинова сына *Парвѣньева* (КПВ, 1678, 280 об.); «Д. пуст гостя Гаврила Мартьянова сына *Ѳетиева*» (КПВ, 1678, 57 об.).

У вологодских частно-владельческих (помещичьих) крестьян, как правило, отсутствует третий компонент в модели именовании в писцовых и некоторых других документах, но у монастырских детёнышей (крестьян, приписанных к монастырю и обрабатывающих монастырскую пашню), третий компонент, напротив, зачастую присутствует в тех же самых документах, ср.: в. *Евлашко Алексѣевъ* (ПОВу, 1630, № 9, 165); «Д. Якова Семенова сына Кузмина у него живет крестьянин ево *Фетка Никифоров сын*» (КПВ, 1678, 31); «бежали детеныши крестьянские дѣти живущие в монастыре поблизости и работающие найму казѣнного ... Аничка Григорьев сынъ Зиновьевской *мухинъ*, Ивашко Федоровъ с. Прозвание *раковъ*» (КПВу, I, 1678, 396).

Определяющим для процесса закрепления фамилий в официальном именовании, является такой экстралингвистический фактор, как степень юридической самостоятельности именуемого. Писцовые документы используют в основном однотипные двучленные модели для именовании однородной массы помещичьих крестьян, перечисляющихся в документе после упоминания полного имени их владельца – помещика. Вероятнее всего, в быту фамильные прозвания крестьян в рассматриваемый период времени уже существовали, но процесс закрепления их как самостоятельной антропонимической категории в официальных документах Вологодского уезда конца XVI – XVII вв. значительно опаздывал по сравнению с теми северными территориями России, где преобладало государственное землевладение. Так, изучение антропонимии и топонимии отдельных территорий Вологодского края, отмеченных черносошным земледелием, позволило лингвистам сделать вывод о том, что ареал трёхкомпонентных фамильных именовании крестьян охватывает в XVII – XVIII вв. территорию, расположенную по течению Северной Двины: Устюжский, Двинской, Усольский уезды, а также Устьянские волости [Чайкина: 1982, 53; Смольников: 2000, 276].

Появление третьего компонента в модели именования вологодских крепостных крестьян наблюдается в документах частно-делового характера. В этом случае именование крестьянина употребляется без упоминания имени помещика, его владельца, и поэтому для точной идентификации личности человека становится необходимым использования антропонимических средств, имеющих большую различительную силу, нежели личное имя и отчество: Исачко Леонтиевъ с. *Рукавишников* (Поруч., 1670, ОСВ, вып. 3. 27); Иван Дмитриев с. *Власов* (Порядн., 1593, ОСВ, вып. 6, 15) и др. Таким образом, фамильные прозвания у того или иного сословия развиваются по мере развития официально-деловых отношений внутри членов данного сословия. Естественно, что сфера официально-деловых отношений внутри социальной группы помещичьих крестьян была значительно уже, нежели в других слоях населения.

Как видно из всего вышеизложенного, вологодская антропонимия является одним из источников реконструкции основных параметров локальной языковой картины мира XVI – XVII вв. Средствами языка, а именно собственными именами людей, воссоздаётся картина внутреннего мира, а также социально-экономических отношений в жизни вологжан. Изученный антропонимический материал позволил констатировать отчётливое различие представлений о мире горожанина и сельского жителя Вологодского уезда XVII в. Вологжанин того времени был включён в активный ритм жизни быстро развивающегося города, имел возможность вести своё дело и получать прибыль, осознавал себя самостоятельным юридическим лицом, вовлечённым в сферу официально-деловых отношений. Типичным жителем села на территории Вологодского уезда XVII в. являлся крепостной крестьянин, практически исключённый из сферы официально-деловых отношений. Его мировоззрение соответствовало более ранним обрядам и традициям, уже утраченным в городской среде.

Литература

1. Бакланова, Е.Н. Антропонимия русского населения Вологодского уезда в начале XVIII века / Е.Н. Бакланова // Ономастика Поволжья 2. – Горький, 1971. – С.35 – 41.
2. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендина. – М., 1998. – 240 с.
3. Водарский, Я.Е. Сельское население Вологодского уезда во второй половине XVII в. / Я.Е. Водарский // Вопросы аграрной истории: Материалы науч. конф. по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 15-17 июня 1967г. – Вологда, 1968. – С. 426 – 434.
4. Водарский, Я.Е. Вологодский уезд в XVII в. (К истории сельских поселений) / Я.Е. Водарский // Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. – Вып. 3. – С. 253 – 366.
5. Греков, Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII в. Кн. 2./ Б.Д. Греков. – М.: Наука, 1954. – 468 с.
6. Данилова, Л.В. История северного крестьянства: в 4-х т. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма / Л.В. Данилова, Е.И. Индова, П.А. Колесников и др. – Архангельск, 1984. - 432 с.
7. Косничану, М. Антропоним в социально-культурном контексте / М. Косничану // Материалы к серии «Народы и культуры». Ономастика. Кн. 1. Часть I. Имя и культура. – М., 1993. - Вып. XXV. – С. 226 – 230.
8. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Автореф. дис. докт. филол. наук / В.И. Супрун. - Волгоград, 2000. – 76 с.
9. Тарнопольская, Е.А. Женские библейские имена в истории русской лексикографии: Автореф. дис. канд. филол. наук / Е.А. Тарнопольская. – М., 2002. – 31 с.
10. Смирнов, Д.Н. Очерки жизни и быта нижегородцев XVII – XVIII вв. / Д.Н. Смирнов. – Горький, 1978. – 346 с.
11. Чайкина, Ю.И. Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой

письменности XVII – XVIII вв.) / Ю.И. Чайкина // Вопросы ономастики: Межвуз. сб. научн. трудов. – Свердловск, 1982. – С. 48 – 56.

12. Смольников, С.Н. Фамилии устюжан в памятниках местной деловой письменности XVII века / С.Н. Смольников // Великий Устюг: Краеведч. альманах. – Вып. 2. – Вологда, 2000. – С. 271 – 292.

Сокращения

ВФ – Чайкина, Ю.И. Вологодские фамилии: Этимологический словарь / Ю.И. Чайкина. – Вологда, 1995. – 121 с.

Ганж. - Ганжина, И.Н. Словарь современных русских фамилий / И.Н. Ганжина. – М., 2001. – 672 с.

ГНВО - Чайкина, Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области / Чайкина, Ю.И. – Вологда, 1993. – 480 с.

Д – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / В.И. Даль. – М., 2000. – 4 т.

Дан. – данная

ДКВ – Дозорная книга Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего А. Софонова 1616-1617 гг. (Публикация Ю.С. Васильева) // Вологда / Краеведч. альманах. – Вып. I. – Вологда, 1994.

Каб. – кабала

КПВ – Книга переписная г. Вологды 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14741.

КПВу 1589 – Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589 – 1590 гг. (Подготовлена к печати Н.И. Федышиным) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы. – Вып. II, - Вологда, 1972.

КПВу 1678 – Книга переписная Вологодского уезда 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина Заозерские половины поместные. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14733 (кн. I), 14740 (кн. VIII), 14734 (кн. II), 14735 (кн. III).